

ТРЕТИНЫ В СВЕТЕ КАРНАВАЛИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО)

К. В. ГАРНОВА

В статье анализируются поминки Семена Захаровича Мармеладова; значительное место отводится рассмотрению деталей, связанных с ситуацией «поминки». Третины как значимый этап перехода из земной жизни в вечную профанируются автором на всех обрядовых уровнях: формальном (организация трапезы, список приглашенных, их внешний вид и поведение, рассадка гостей) и идейном (цели, назначение, функции, религиозный замысел).

О карнавализованности текстов Ф. М. Достоевского впервые заявил М. М. Бахтин в работе «Проблемы поэтики Достоевского» (1963). Приводя в качестве примера скандалы в доме Настасьи Филипповны («Идиот»), Варвары Ставрогиной («Бесы»), на поминках Мармеладова («Преступление и наказание»), в келье старца Зосимы («Братья Карамазовы»), исследователь указывает на то, что гостиные у Достоевского сродни карнавальной площади, «где люди на миг оказываются вне обычных условий жизни... и раскрывается иной — более подлинный — смысл их самих и их отношений друг к другу»¹.

И поныне карнавализация в романах Достоевского продолжает вызывать исследовательский интерес². Цель данной работы — выявить значение и функции деталей, связанных с ситуацией «поминки».

Средневековый карнавал представал в разных формах: коллективные игрища, танцы, маскарады, состязания, игры, турниры; разыгрывались спектакли: проводы зимы, избрание и последующее развенчание майского короля, погребение Бахуса (похороны Масленицы у славян) и др. В ходе инсценировки похорон участниками представлялась «не чинная и горестная похоронная процессия, а шутовское действо — пародийное дублирование серьезного церемониала с глумлением над “мертвецом”»³.

¹ Бахтин М. М. Проблемы творчества/поэтики Достоевского. Киев, 1994. С. 357.

² См. работы: Казаков А. А. Карнавализация в литературе // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2001. № 4. С. 18–34; Кантор В. К. Карнавал или бесовщина (роман Достоевского «Бесы»). Лекция № 7 от 6 ноября 2014 года. URL: http://iph.ras.ru/7_kantor.htm (дата обращения: 14.01.2016); Илюшин А. А. По поводу карнавализации у Достоевского // М. М. Бахтин: Проблемы научного наследия / Под ред. С. С. Конкина и др. Саранск, 1992. С. 85–91.

³ Даркевич В. П. Народная смеховая культура Средневековья. Светская и праздничная жизнь в искусстве IX–XVI веков. М., 1998. С. 124.

Центральной особенностью карнавала было «снижение, то есть перевод всего духовного, идеального, отвлеченного в материально-телесный план, в план земли и тела в их неразрывном единстве»⁴. Но карнавал не ставил целью решительно уничтожить какое-то явление — «снижение роет могилу для нового рождения»⁵. То же касалось и похорон: «В народных обычаях ритуальный смех на похоронах, знаменуя полноту жизни и преодоление смерти, был направлен на приумножение человеческого рода... Магическое поправление смерти смехом свойственно древнеславянским похоронам и поминальным обрядам, культу предков»⁶. Это дает нам основание для сближения погребального обряда и его составляющих с карнавалом: «“Покойницкая игра” вводила момент оживления мнимого мертвеца — смерть превращалась в новое рождение»⁷. Таким образом, погребальные действия изначально наделялись карнавальным статусом, то есть явление рассматривалось в «состоянии его изменения, незавершенной еще метаморфозы, в стадии смерти и рождения»⁸.

В романе Ф. М. Достоевского описание поминок Мармеладова было выбрано в качестве материала исследования, так как при всех многочисленных упоминаниях смертей в романах Достоевского изображение похорон или других связанных с ними действий встречается редко — тем самым они становятся маркированными. М. М. Бахтин отмечал, что поминки Мармеладова — это «резко карнавализованная сцена», но помимо скандалов и развенчаний этот эпизод имеет иные яркие черты карнавала⁹. Последовательно сравним течение «нормативных» поминок¹⁰ с описываемым в романе действием.

«С преданием тела земле не оканчиваются еще обязанности оставшихся в живых по отношению к умершим», — отмечают культурологи. «Как только похороны окончились, усопший становится объектом постоянного, иногда весьма сложного культа», основное место в котором «занимают ритуальные пиршества»¹¹. Таким образом, поминки — это часть погребального ритуала. «Совместная трапеза закрепляла похоронный обряд, была и остается его не самой печальной, а, напротив... жизнеутверждающей частью»¹². Еще до появления христианства существовали особые правила, регулирующие данный процесс. Выбор приглашенных, поминального места и пищи — всё направлено на реализацию одной цели: проводить покойника из мира живых так, чтобы мертвец не рассердился и не навредил (по языческим славянским поверьям), или обрел прощение грехов и вечный покой (по христианскому вероучению).

⁴ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 26.

⁵ Там же. С. 28.

⁶ Даркевич. Указ. соч. С. 125.

⁷ Там же.

⁸ Бахтин. Творчество Франсуа Рабле... С. 31.

⁹ 1. «Переворачивание» явления с ног на голову. 2. Карнавальный «дух»: шум и глумления. 3. Смех. 4. Снижение явления в материально-телесный план. 5. Установление всеобщей коммуникации вне зависимости от сословных разграничений.

¹⁰ Мы рассматриваем данный мотив с точки зрения современного представления: поминки как сочетание языческих и христианских элементов.

¹¹ Кагаров Е. Г. Религия древних славян. М., 1918. С. 63.

¹² Кузьменко П. В. Русский православный обряд погребения. М., 1996. С. 89.

Для поминовения усопших установлены определенные даты. Первые поминки совершаются на третий день с момента смерти, когда, согласно христианским представлениям, изменяется «образ»: «Третины убо творим, яко в третий день человека вид изменяется»¹³. Славяне в этот день устраивали пиршество, посвященное умершим предкам; христианство внесло некоторую сдержанность в это ритуальное действие, но значение его не изменилось.

В «Преступлении и наказании» находим несколько предположений относительно мотивировки грандиозного празднования, задуманного Катериной Ивановной, например: «Весьма вероятно и то, что [ей] захотелось, именно при этом случае... показать всем этим “ничтожным и скверным жильцам”, что она не только “умеет жить и умеет принять”, но что совсем даже не для такой доли и была воспитана, а воспитана была в “благородном... доме”, и уж вовсе не для того готовилась, чтобы самой мести пол и мыть по ночам детские тряпки»¹⁴. Вдова рассчитывала разрушить сложившееся представление о ней как жене нищего пьянствующего чиновника, заурядной мещанке, не знающей «хороших манер», не умеющей принять посетителей и т. д. Специально для гостей она приготовила документ, подтверждающий ее аристократическое воспитание и который «был припасен с тою целью, чтоб... ясно доказать им [гостям], что Катерина Ивановна из самого благородного, “можно даже сказать, аристократического дома”...»¹⁵.

В пользу этого довода автора свидетельствует и выбор гостей Катериной Ивановной. На поминальную тризну в дом по обычаю зовут наиболее близких покойнику людей. Вдова Мармеладова же приглашает важных и влиятельных чиновников: «[Лужин] узнал, что поминки будут торжественные, что приглашены почти все жильцы, из них даже и незнакомые покойному»¹⁶. Ожидания разбиваются о реалии жестокой действительности и, к великому огорчению Катерины Ивановны, «к поминкам же, то есть к закуске, явились из них всё самые незначительные и бедные, *многие из них не в своем даже виде*, так, дрянь какая-то. Которые же из них постарше и посolidнее, те все, как нарочно, будто сговорившись, манкировали»¹⁷ (выделение здесь и далее мое. — К. Г.). Вдова чувствует, что вырваться из сформировавшейся социальной роли ей не удается: «Всё это чрезвычайно неприятно раздражило Катерину Ивановну. “Для кого же после этого делались все приготовления?”»¹⁸. «Последней каплей» стали пришедшие гости: «...явился тоже один пьяный отставной поручик, в сущности провиантский чиновник, с самым *неприличным и громким хохотом* и, “представьте себе”, *без жилета!* Один какой-то сел прямо за стол, *даже не поклонившись* Катерине Ивановне, и, наконец, одна личность, за неимением платья, *явилась было в халате*, но уж это было *до такой степени неприлично*, что стараниями Амалии Ивановны и полячка успели-таки его вывести»¹⁹. Читателю представлен градационный ряд

¹³ Синаксарь субботы мясопустной // Триодь постная. М., 1992. С. 22.

¹⁴ Текст цитируется по изданию: *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. С. 290.

¹⁵ Там же. С. 298.

¹⁶ Там же. С. 140.

¹⁷ Там же. С. 293.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

«непристойностей»: не соответствующее траурному событию поведение (хохот), отсутствие светских манер (поклонов), внешний вид гостей (пьяные), костюм (отсутствие парадных элементов гардероба, замена их домашней одеждой).

При подробном рассмотрении происходящего обнаруживается очевидное искажение всех обрядовых элементов. Взять, например, описание застолья: «...вино было. Были водка, ром и лиссабонское... Из яств, кроме кутьи, было три-четыре блюда (между прочим, и блины), всё с кухни Амалии Ивановны, да сверх того ставились разом два самовара для предполагавшихся после обеда чаю и пуншу»²⁰.

Содержимое трапезы составляют основные сакральные ритуальные блюда²¹: кутья и блины, в состав которых входило зерно, являющееся символом вечной жизни, обновления. Делались они из двух основных ингредиентов — зерна и чего-то сладкого — что символизировало «будущее воскресение умершего» и «райское блаженство»²² соответственно. С культурологической точки зрения ситуация земных поминок метафорически соотносится с небесным раем посредством сладкого²³:

Стремление Катерины Ивановны доказать свою состоятельность в роли светской дамы сказывается на содержании стола: «...всё сквернейшего качества, но всего в достаточном количестве»²⁴. Также автор отмечает старания хозяйки создать приличествующую ситуации сервировку: «Действительно, всё было приготовлено на славу: стол был накрыт даже довольно чисто, посуда... всё это, конечно, было сборное, разнофасонное и разнокалиберное, от разных жильцов, но всё было к известному часу на своём месте...»²⁵. Такая организация поминок противоречит их настоящему назначению: духовная составляющая отступает на задний план, ведущим становится материальный компонент — это дискредитация и православного, и языческого обряда (нарушается христианское представление о скромности поминок и языческое — о том, что трапеза должна быть обильной во благо умершему²⁶). Таким образом, поминки из сакральной части

²⁰ *Достоевский*. Собрание сочинений. Т. 6. С. 291.

²¹ См.: *Кузьменко П. В.* Русский православный обряд погребения. С. 92–93, 99.

²² См.: Там же. С. 98.

²³ Связанное с Мармеладовым «сладкое» есть не только на поминках: им окружена вся земная жизнь Мармеладова (фамилия; липкий стол в трактире, на который он кладет руки; петушок в кармане для детей). В поэтике Достоевского «сладкое» имеет особую коннотацию, которую первым отметил Р. Бэлнеп (см.: *Бэлнеп Р. Л.* Структура «Братьев Карамазовых» / Пер. с англ. СПб., 1997. С. 49): это знак жестокости, садизма. Таким образом, в тексте происходит совмещение значений: культурологическое (символ райского блаженства) и контекстуальное (жестокость).

²⁴ *Достоевский*. Собрание сочинений. Т. 6. С. 291.

²⁵ Там же. С. 291–292.

²⁶ См.: *Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004. С. 118.

древнего погребального обряда обращаются в светский прием. Происходит снижение культа в материально-телесный план — то есть профанация.

Основной целью поминок, не зависящей от религиозных воззрений, является установление коммуникации (живые — живые, живые — мертвые, живые — божество). В романе установить связь не удастся никому: ни живым с живыми (Катерина Ивановна и Амалия Людвиговна постоянно ссорятся, Лужин клеветает на Соню), ни живым с мертвыми (поминки устраиваются не столько на благо души Мармеладова, сколько для увеселения гостей).

Ярким свидетельством светскости поминок является расположение детей на тризне: «...[их] чтобы выгадать место, посадили не за стол... а накрыли им в заднем углу на сундуке, причем обеих маленьких усадили на скамейку, а Полечка, как большая, должна была за ними присматривать, кормить их и утирать им, “как благородным детям”, носики»²⁷. С одной стороны, данное описание служит подтверждением карнавализованного характера поминок, обращения их в светский прием; с другой — дети в поэтике Достоевского связаны с безгрешным, неземным, божественным: «...деточки ничего [речь идет о яблоке] не съели и пока еще ни в чем невиновны. <...> Дети, пока дети, до семи лет, например, страшно отстоят от людей, совсем будто другое существо и с другою природой»²⁸. Отсоединив детей от участников поминок, живые лишились последней возможности коммуникации живых с Богом. Происходит не только профанация ритуального события, смерти, но и его религиозно-философского содержимого — профанация идеи воскрешения, вечной жизни.

Таким образом, тема смерти, занимая ключевое место в романе «Преступление и наказание», отображается в тексте по-разному: прямо (убийства, самоубийства) и косвенно (поминки). Проанализировав описание поминок Семена Захаровича Мармеладова, обнаруживаем профанацию религиозного обряда, его сущности и основной цели, связанных с категориями воскрешения и вечной жизни. На это указывает каждая деталь, упомянутая автором в описании: подготовка Катерины Ивановны к поминкам, поведение гостей (шум, хохот и «безобразия»), их наружность, отсутствие коммуникации между участниками действия, содержимое меню и сервировка стола, посадка гостей.

В рассматриваемом романе происходит снижение религиозного обряда, его сущности, но возрождение действующих лиц не может последовать: материальное в литературе это «уже не положительно рождающий и обновляющий низ, а тупая и мертвенная преграда для всех идеальных стремлений»²⁹, которая непорочно отягощает переход к духовному.

В поэтике «Преступления и наказания» замена какого-то страшного и противоестественного явления на обыденное встречается довольно часто: старуха-процентщица не человек, а вошь: «Я ведь только вошь убил, Соня, бесполезную, гадкую, зловредную»³⁰; происходит не убийство, а избавление от вредителя; организуются не поминки по умершему, а светский прием. Исходя из этого, можно

²⁷ Достоевский. Собрание сочинений. Т. 6. С. 293.

²⁸ Там же. Т. 14. С. 216–217.

²⁹ Бахтин. Творчество Франсуа Рабле... С. 30.

³⁰ Достоевский. Собрание сочинений. Т. 6. С. 320.

утверждать, что карнавализованные сцены — это не исключительный феномен в творчестве Достоевского, а включенные в общую концепцию романов явления.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Преступление и наказание», поминки, вещный мир, детали, еда, одежда, карнавализация.

ТРЕТИНЫ IN THE LIGHT OF CARNIVALISATION (EXEMPLIFIED BY *CRIME AND PUNISHMENT* BY F. M. DOSTOEVSKY)

К. GARNOVA

Третины (traditional commemorative meal that takes place on the third day after the funeral) is a carnival-related event. According to the Christian doctrine, the human soul leaves the earthly world and appears before God on the third day after death. The commemorative feast is part of the burial ritual. The meal of *третины* is described in only one novel by Dostoevsky, namely in *Crime and Punishment*: the singular character of this description attracts one's attention. Detailed examination of this event in the novel shows that all ceremonial elements of *третины* are distorted, namely the purpose, choice of guests, their appearance (dress and manners) and behaviour, the widow's arrangement of the meal, lack of communication between the participants. Everything points to the violation of long-established norms. The commemorative meal transforms into a social occasion, by means of which Katerina Ivanovna tries to support her claims on the nobility. The event is reduced to the material and bodily level, which profanes the spirit of the custom. The object world thus "participates" in the profanation and interferes with the transition to the spiritual level.

Keywords: F. M. Dostoevsky, *Crime and Punishment*, commemorative meal, object world, details, food, clothes, carnivalisation.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы творчества/поэтики Достоевского. Киев, 1994. С. 508.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 543.
3. Бэллел Р. Л. Структура «Братьев Карамазовых» / Пер. с англ. СПб., 1997. С. 144.
4. Даркевич В. П. Народная смеховая культура Средневековья. Светская и праздничная жизнь в искусстве IX—XVI веков. М., 1998. С. 344.
5. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972—1990.
6. Кагаров Е. Г. Религия древних славян. М., 1918. С. 73.
7. Кузьменко П. В. Русский православный обряд погребения. М., 1996. С. 158.
8. Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004. С. 320.
9. Синаксарь субботы мясопустной // Триодь постная. М., 1992. С. 99.